

ЖЕНЩИНА, НЕ ЗНАЮЩАЯ СТАРОСТИ

Пять лет назад судьба подарила мне встречу с этой необыкновенной женщиной. Помню, как она подошла ко мне в конце лекции и что-то процитировала к слову из моих стихов. Я удивилась, что она их помнит наизусть. А Нина Сергеевна Войцеховская – позже я узнала её имя – сказала, что уже давно «живёт в обнимку» с моими стихами, настолько многое там ей близко. Что не только сама их читает, но и знакомит с ними «товарищей по компартии» и друзей из общества моржей «Нептун».

Жизненная активность этой пожилой женщины поражала. И чем больше я её узнавала, тем больше восхищалась её неуёмной жадой жизни, жадой знаний, деятельного добра. Всё в себя вобрать, не пропустить ни капли, ни грамма земной радости, мировой культуры, людской беды – ничто не проходило мимо её сердца.

Что мне известно о Нине Сергеевне? Родилась она в 1926 году. Когда ей было восемь лет, умирает от родов мать. Отец остаётся с тремя детьми на руках. Через два года его репрессировывают. Из лагеря он выйдет лишь через 20 лет. А 10-летняя Нина в 1936 году попадает в саратовский детдом. Он находился на улице Лермонтова (бывшая Покровская) на месте бывшего женского Крестовоздвиженского монастыря и назывался «Красный городок». Сейчас от этого здания уцелели лишь одни ворота, которые охраняются государством как памятник архитектуры.

Нина Сергеевна всю жизнь вела дневники, своеобразную летопись, где описывала жизнь «Красного городка», его малолетних обитателей. Я читала эти записи. В них сразу чувствуется, что автор писал о глубоко личном, выстраданном, кровно пережитом. Всё очень правдиво, достоверно и вдвойне ценно, что эта правда – порой беспощадная – изнутри.

Запомнились горькие эпизоды о том, как украли новые ботинки у мальчика, которые он прятал под подушку, как нелюдь разула ребёнка на морозе, как трудно приходилось девочкам в общежитии в самостоятельной жизни, жестокие условия существования тех лет. Но при этом – как ярко рисует она всё хорошее, что было в довоенном детдоме: дружбу, взаимовыручку, честность в отношении к своему долгу, любовь к маленьким детям со стороны старших ребят. Некоторые рассказанные там истории могли бы вполне войти в «Педагогическую поэму» Макаренко: о том, как

воспитательница доверила бывшему воришке принести ей зарплату, о том, как девочки добровольно отказались есть арбузы, наказав самих себя. Очень сильна сцена о нашедшейся родной матери, которую мальчик уже не застал в живых. Замечательно, что Войцеховская сохранила столько писем бывших детдомовцев с фронта, память о них. Несмотря на тяжёлые, даже порой жестокие факты, которые она приводит в своём повествовании, всё это пронизано таким светом и теплом человечности, что сразу чувствуется резкий контраст того – трудного, но понятного времени с нашим – непонятным, диким, хищным и бездуховным. Сейчас эти записи переданы родственниками Н.С.Войцеховской в музей краеведения. А фрагменты из них опубликованы в книге Владимира Разина «От Минска до Хвалынска».

И после того, как она вышла за ворота детдома в большую жизнь, связь с «городком» не прерывалась. В течение полувека стараниями Войцеховской воспитанники саратовского детдома (она вела с ними многолетнюю обширную переписку) ежегодно съезжались из разных уголков России на встречу выпускников. Встречались традиционно 9 мая в парке Победы у колокола. В этом году этот праздник впервые прошёл без Нины Сергеевны Войцеховской.

Какой это был для неё великий и счастливый день! Как она мне рассказывала – взхлёб, каким-то звенящим солнечным голосом – о торжественных мероприятиях в парке Победы, в которых всегда принимала живейшее участие. Как радовало её многолюдье этих праздников, присутствие на них детей, молодёжи, какой гордостью за свою страну лучились ее глаза – я не только чувствовала, но, казалось, видела это по телефону! – и в этом не было никакой казенщины, заорганизованности, формализма, позёрства, – нет, она была искренна и чиста в каждом слове, в каждой мысли, в каждом поступке. Как жаль, что я не записывала её рассказы, – слова, фразы стёрлись из памяти, но её звонкий молодой победный голос до сих пор звучит у меня в ушах.

Она очень ярко и сочно жила. Каждое утро Нина Сергеевна спешила на Набережную, где собирались её друзья по спорту, – бегала, плавала (её купальный сезон открывался с 1 мая и длился до 1 октября), делала гимнастику, – и это в 80 лет! С каким вдохновенным восторгом она мне описывала сияние лучей восходящего солнца, всю прелесть просыпающегося с рассветом города – в эти минуты она была более поэтом, нежели я. А я слушала, восхищалась, завидовала и давала себе клятву с завтрашнего же дня... ну, хотя бы начать делать

утреннюю зарядку. Потом из этих благих порывов и минут белой зависти родились стихотворные строки:

Женщина, не знающая старости,
слабости и страха никогда.
Этот дар в себе и этот жар нести
что ей помогает сквозь года?

Как ей удаётся в этом возрасте
словно на коне лететь лихом,
и, не зная корысти и хворости,
жить в обнимку с песней и стихом?

Отдала бы всё на свете золото
я за этот свет и этот след,
и свою сомнительную молодость –
за такие восемьдесят лет!

Она не знала старости. Она не узнала и своей смерти. Умерла во сне, незаметно проскользнув за ту грань, где не будет ни восходов, ни утренних пробежек, ни радости встреч с прекрасным... Хорошо, что она всего этого не осознала, не успела понять. «О Евы бедные восьмидесяти лет, увидите ль зари вы завтрашней сиянье?» (Бодлер). Говорят, это смерть праведников.

В субботу 18 ноября 2006-го в библиотеке был первый вечер Некрасова. Для Нины Сергеевны, не пропускавшей ни одной моей лекции, он оказался последним. На другой день в воскресенье мы довольно долго говорили с ней по телефону. Она делилась впечатлениями, проводила живые параллели с современной жизнью, с нетерпением ожидала продолжения. А в пятницу вечером вдруг раздался звонок. Незнакомый глуховатый мужской голос спросил:

– Вы Наталья Максимовна?

– Да, я.

– Вы знали Нину Сергеевну Войцеховскую?

– Да, конечно. А что случилось?

– Я вчера её похоронил. Я её внук, Игорь. Нашёл вот в ее телефонной книжке Ваш номер. К сожалению, только сейчас обнаружил. На полке у неё стоят Ваши книги. Она так тепло всегда отзывалась о Вас...

Эту книгу, кстати, я пишу на бумаге, подаренной мне Войцеховской за три дня до смерти. Я очень многим обязана Нине Сергеевне. Это главным образом благодаря ей я ещё читаю свои лекции. Всё это могло кончиться ещё в 2003-м, когда решили сократить мою ставку в библиотеке.хлопотали многие, но именно Войцеховская выступила тогда перед залом, зачитав намеченный ею

решительный план действий: «Наша задача – во что бы то ни стало сохранить для города лекторий...» Собирала подписи. Несколько раз ходила на приём к министру культуры, упорно добивалась ответа. Ходила в редакции газет. Собиралась на приём к Аяцкову. Обо всём этом я узнала позже, из телефонных звонков: «Остановите ваших старушек! Никто ваш лекторий не закрывает. Работайте спокойно...»

Когда я смотрела на тонкую, стройную, почти девичью фигурку Нины Сергеевны Войцеховской, её гордую осанку, кокетливо подкрашенные хной волосы, слышала её звонкий певучий голос с чёткими интонациями, читала в тетради отзывов её лаконичные деловые формулировки, сквозь которые, тем не менее, прорывались восторженные женские эмоции – я не могла поверить в её возраст. Несмотря на внешнюю хрупкость и изящество в этой женщине чувствовалась непреклонная воля, железный стержень характера. На память приходили строки Н.Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей. Крепче бы не было в мире гвоздей». «Гвозди» – в лучшем понимании этого слова. Как бы это понятней объяснить? Да, Войцеховская – человек прошлой эпохи, в чём-то косной, жёсткой, чёрно-белой, что ли, где идея, идеология значила гораздо больше, чем человеческая жизнь. Я не разделяю коммунистические взгляды, к которым Нина Сергеевна была привержена. Но... романтика революции, энтузиазм первых пятилеток, героизм, самоотверженность, товарищество, служение долгу, – Нина Сергеевна из того поколения, тех лучших его представителей, для кого это были не просто слова – ныне устаревшие, осмеянные, канувшие в былое. Она не жонглировала этими словами, не прикрывалась ими, мостя дорогу к карьере и благополучию, – она искренне верила в них, претворяла их в собственные дела и поступки, оплачивала своей жизнью.

Передо мной – кипа листов, исписанных мелким аккуратным «школьным» почерком Нины Сергеевны Войцеховской. Это её письма-отзывы на мои вечера, стихи, книги – настоящие трактаты с многочисленными цитатами, своими замечаниями, пометками. И, перечитывая их, я поражаюсь: до чего же она выражала в них себя, свою сущность.

«Проглотила» Ваше новое творение («Острые углы» – Н.К.), где «острота угла» возрастает с каждым последующим стихом. Как всегда в Ваших книгах есть моменты, которые особенно задевают за живое, запоминающиеся:

«Улыбку натянуть на боль
и снова – в бой с самой собою».

«По каналу над бездной судьбе супротив
без страховки, гарантий и альтернатив».

«Мне всё доставалось с бою,
лишь это – подарок небес».

«Не бегом пробежала по первой части колоссального труда («Ангелы ада» – Н.К), а ступала с осторожностью со страницы на страницу, останавливалась, размышляла, и не покидало чувство удивления, как глубоко, днее дна русской поэзии спускался автор, чтобы извлечь, призвать к жизни непозволительно преданных забвению наших современников». «У Александра Ханьжова в «Тюремном дневнике» выражена тоска по любимой яблоне в своём саду. Семь лет отбывал наказание, и никто ему не привёз в передачах яблочек. А он так ждал каждый год. Разделяю Ваше, Наталья Максимовна, искреннее чувство сожаления, что поздно узнали о желании заключённого поэта. И я подумала о своих однокашниках в «Красном городке». Знай об этом, мы бы ему оптом подкатили подводу с яблоками своего сада».

«Ни Набоков, ни Елагин, ни Г. Иванов, ни Б. Поплавский со «слишком русской душой» не нужны были западу, жили бесцельно, бездумно, по инерции, не приспособленно к деловому ритму капиталистической жизни. Мне подумалось, вот бы молодёжи нашей, стремящейся на запад, поближе познакомиться с болевой поэзией наших соотечественников, проживавших и проживающих там, где так и не обрели Дом – такое тёплое слово, такое ёмкое понятие! – может быть, поубавилось бы стремления покинуть родные края».

«Подруга пишет: «Нет прекрасней края.
Давайте к нам! Сжигайте корабли!»
Но не влечёт меня обитель рая
уютно ностальгировать вдали.
Там всё стерильно: ни врага, ни друга.
Там море мёртво и душа мертва.
А здесь дворы с родимую разрухой
и круговой порукою добра. –

Наша Наташа!»

«Спасибо Вам, уважаемая Наталия Максимовна, за знакомство с ранее неведомыми «пасынками русской поэзии». Им было одиноко и холодно в этом мире. Ваше кредо: «нельзя убивать поэта нечтением, казнить забвением» мне очень близко и дорого».

Даже по тем цитатам, которые приводит Нина Сергеевна из моих книг, по её комментариям к ним можно составить представление

о её характере, личности:

«Небо давит, как на атлантов,
подпирающих своды зря –
на безумцев, певцов, талантов,
на которых стоит земля. –

попадание точно в цель!»

«Как все мыслящие иначе,
я выламываюсь из рядов.
Одинока, но не одинака
среди заткнутых кляпами ртов. –

очень сильное впечатление оставляют эти строки!»

«Жизнь – свободное время от смерти.
Пронестись ли в едином броске,
повседневной отдать круговерти
иль скормить свою душу тоске? –

ни в коем случае!»

Я в прошлое, как в шахту, опускаюсь.
Я из него уже не возвращусь.
Невозвращенкой среди вас живу.
Но только это держит на плаву. –

какое же трудное Ваше, Наталья Максимовна, душевное «я» для себя!
Вспоминаю Ваши строки: «Я поэт нетяжёлого веса, но мне так тяжело».

«Системы не имев иммунной,
как в пропасть, падала ничком,
и жилы превращались в струны
рыдавшей скрипки под смычком –

нутром чувствую голос этой скрипки!»

«Я лестницу воздушную сплету
из слов твоих, из снов моих и слёз,
и ты её поймаешь на лету...
Я это говорю почти всерьёз». –

стихи о маме очень трогательны. Всю жизнь мне не хватало этого светлого имени «мама». К старости, как это ни странно, тем паче».

«Спасибо за книгу. Спасибо за неустанный поэтический труд. С удовольствием пребываю в плену рождённых Вами строк».

«Прочтёшь, погрузишься в раздумья и не хочется в мыслях возвращаться в день сегодняшний, так обеднённый духовно. Наверстаем ли когда-нибудь? Хотелось бы, чтоб совершилось Чудо».

Мне давно хотелось написать о Нине Сергеевне, рассказать об этой удивительной женщине, представительнице уходящего племени, уходящей натуры, задержать её в нашей памяти, отдать дань благодарности и любви. Говорила с её сыном, внуком, расспрашивала о ней друзей, знакомых, бывших учеников. Последних было очень много. Окончив Саратовский педагогический институт, Нина Сергеевна более сорока лет проработала в школе, – преподавала немецкий язык, была завучем, директором. В 60-е годы была направлена на работу в Монголию. Она – обладательница многих почетных званий и наград: ветеран педагогического труда, отличник народного просвещения, у нее медаль Жукова, медаль «За доблестный труд». Сын в детстве обижался, что для мамы работа всегда была на первом месте, порой чувствовал себя брошенным, недополучившим материнского тепла. И только позже понял, как много она ему дала. По взволнованному голосу Володи, по тому, как по несколько раз перезванивал, вспоминал то один, то другой эпизод из их жизни, чувствовалось, что он не только любит мать, он ею гордится.

Взахлёб мне рассказывала о Нине Сергеевне её ученица 1957 года Алевтина Капитоновна Зюзина: как интересно та вела клуб интернациональной дружбы («об этом клубе я могу рассказывать часами!»), как многому Войцеховская научила их («родители у меня были люди простые, и всё, что я знаю, умею – всем этим я обязана Нине Сергеевне. А когда мама умерла – она мне фактически заменила мать»). Рассказывала, как искали с ней могилы погибших на войне одноклассников, детдомовцев, как ежегодно их навещали, ухаживали за ними.

– Вот передо мной огромная пачка писем, которые Нина Сергеевна писала мне из Монголии, где она работала с 64-го по 67 год в школе при посольстве. Я их всё время перечитываю. И в каждом письме она спрашивает: как вы там, какие трудности, пишет такие обнадеживающие, ободряющие слова. Она мне была как мама родная, – голос женщины срывается на рыдание. Да, такие признания дорогого стоят.

И только один разговор оставил неприятный осадок. Мне дали телефон Я.Ю. Вигдорчика, который воспитывался в детдоме вместе с Войцеховской, и я позвонила ему в надежде узнать какие-нибудь подробности её детской и школьной жизни. Но вдруг услышала безапелляционное:

– Я не разделяю политических взглядов Нины Сергеевны. Она поддерживала компартию. Я не приемлю эту идеологию.

– Я тоже. Но в данном случае это не важно. Важно, какой она человек. Коммунисты ведь разные были. Ведь мы и сейчас, несмотря ни на что, относимся с симпатией к коммунисту из Чухраевского фильма.

Вигдорчик что-то раздражённо мне возражал. Он казался крайне бескомпромиссным и нетерпимым человеком. Я удивилась: как же они дружили, находили общий язык?

– Интересно, а когда Вы высказывали Нине Сергеевне своё неприятие её взглядов, она спорила с Вами?

– Никогда не спорила. Молчала.

– Но оставим это... Может быть, Вы можете вспомнить какой-нибудь конкретный эпизод из её жизни, какой-нибудь её поступок?

Вигдорчик задумался.

– Ну вот, например, когда бы я к ней ни пришёл – она всегда накрывала на стол и кормила меня обедом. Это поступок?

– Нет, наверное... Это гостеприимство. Хотя – если это в голодные годы...

Он, помолчав, добавил:

– Ну, вот ещё: когда у меня умерла жена, она пришла и взяла на себя все похоронные хлопоты.

Я подумала: неужели же все эти проявления человечности, истинной дружбы, помощи в трудную минуту не могут перевесить политических разногласий, несходства воззрений, характеров? Вспомнилось чеховское: «Как ненужно и мелко было всё то, что мешало им любить друг друга...».

Вспомнилось, как в последнем нашем разговоре Нина Сергеевна говорила о том, что с нетерпением ждёт рождения правнучки. Родился правнук, Дима. Ему уже пятый месяц. И – слова внука Игоря: «Я в одном только обижен на неё. Почему не дождалась...».